

ВСТАВНОЙ ТЕКСТ В РАССКАЗЕ А.КОНАН ДОЙЛА "A SCANDAL IN BOHEMIA"

© 2015 В.Ш.Кривонос

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 05.06.2015

В статье рассматриваются функции вставного текста в нарративной структуре рассказа А.Конан-Дойла.

Ключевые слова: нарративная структура, вставной текст, записка, письмо.

^о В нарративной структуре детективного рассказа А.Конан Дойла «A Scandal in Bohemia» («Скандал в Богемии») важное место занимают два вставных текста: записка, адресованная Шерлоку Холмсу неизвестным лицом, автором которой оказался король Богемии, и письмо ему же, специально оставленное для него Ирэн Адлер, героиней проводимого им расследования, в тайнике, где она хранила компрометирующую короля Богемии фотографию. Попытаемся выяснить, как связаны эти вставные тексты с основным текстом повествования и какими функциями они наделены.

Вставной текст может быть рассмотрен как документ, к созданию которого причастен не нарратор, а кто-либо из персонажей; он нередко выделен графически, чтобы подчеркнуть его автономность и принадлежность другому, чем нарратор, лицу¹. В основном тексте он функционирует как реалия вымышленного мира, *подлинность* которой подтверждена нарратором, включившим ее именно в таком качестве в свое повествование².

Знакомству нарратора, каковым является в рассказе доктор Уотсон, с запиской, полученной Холмсом, предшествует принципиальный для последующей интерпретации этого документа разговор сыщика и его друга о значении в практике расследования внимательности и наблюдательности. Холмс, приведя простой, но показательный пример (предложив вспомнить, сколько ступенек на лестнице, которой они постоянно пользуются), доказывает Уотсону, что тот видит, но не обращает внимания, тогда как сам он од-

новременно видит и наблюдает: «Quite so! You have not observed. And yet you have seen. That is just my point. Now, I know that there are seventeen steps, because I have both seen and observed»³. И следом предлагает Уотсону, поскольку тот интересуется решаемыми им *небольшими* проблемами («since you are interested in these little problems»), внимательно прочитать записку и проверить свое умение наблюдать и понимать смысл увиденного (в данном случае – прочитанного).

Записка, полученная, как говорит Холмс, только что, с последней почтой («It came by the last post»), написанная на листке толстой розовой почтовой бумаги («thick, pink-tinted notepaper»), была без даты, без подписи и без адреса («The note was undated, and without either signature or address»), что могло помешать сделать какие-то определенные выводы о ее авторе и цели визита, который тот собирался нанести сыщику.

В записке сообщалось, что сегодня вечером, без четверти восемь, Холмса навестит джентльмен, который хочет получить консультацию по очень важному делу («a gentleman who desires to consult you upon a matter of the very deepest moment»). Автор записки ссылаясь на услуги, которые, как стало ему известно, были недавно оказаны Холмсом одному из королевских семейств Европы, и это показало, что ему можно, не опасаясь, доверить дела исключительной важности. Такой отзыв о Холмсе был недавно со всех сторон получен («Your recent services to one of the royal houses of Europe have shown that you are one who may safely be trusted with matters which are of an importance which can hardly be exaggerated. This account of you we have from all quarters received»). Записка заканчивалась просьбой не думать ничего дурного, если посетитель будет в

^о Кривонос Владислав Шаевич, доктор филологических наук, профессор. E-mail: vkriwonos@gmail.com

¹Ср.: Волкова, Т.М. Вставной текст: композиционные и сюжетные функции («Братья Карамазовы» Ф.М.Достоевского и «Воскресение» Л.Н.Толстого) / Т.М.Волкова // Новый филологический вестник. – 2010. – № 1 (12). – С. 33.

²Ср.: Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М.Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллинн: 1992. – С. 158.

³ Conan Doyle A. A Scandal in Bohemia / A. Conan Doyle // Selected Stories by A. Conan Doyle. – М.: 1965. – С. 20. Далее рассказ цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

маске: «...do not take it amiss if your visitor wear a mask» (20).

Уотсон считает, что прочитанная им записка действительно содержит в себе какую-то загадку; Холмс предлагает ему ее разгадать. Тот, тщательно осмотрев записку и бумагу, на которой она была написана, и пытаясь подражать приемам своего друга («to imitate my companion's processes»), приходит к выводам, в которые Холмс вносит существенные поправки: бумага не просто дорогая, но весьма необычная («peculiar») и не английская («It is not an English paper at all»); водяные знаки обозначают не монограмму производителя, а являются сокращением, принятым в немецком языке и означающим «компания»; географический справочник позволяет установить, что бумага произведена в Богемии, где говорят по-немецки; записку написал немец, на что указывает и необычная конструкция предложения: «This account of you we have from all quarters received» (буквально: *Такой отзыв о вас мы со всех сторон получали*).

Функция записки заключается в том, чтобы, с одной стороны, задать ход сюжетным событиям, с другой, продемонстрировать, насколько виртуозно использует Холмс имеющиеся у него навыки и выработанные им приемы расследования. Приход посетителя, личность которого еще предстояло установить, хотя у Холмса, что выяснится уже в самом начале беседы, уже сложилась вполне определенная версия, с кем он имеет дело, должен разрешить все сомнения, верны ли сделанные им выводы: «And here he comes, if I am not mistaken, to resolve all our doubts»(21). Клиент, производивший всем своим обликом впечатление варварской пышности («the impression of barbaric opulence»), вполне подходил под сделанное Холмсом описание вероятного автора записки; лицо его было закрыто черной маской, не помешавшей, однако, разглядеть в нем черты, указывающие на сильную волю и решительный характер.

Как бумага, на которой была написана записка, и используемые в самой записке речевые обороты выдавали человека богатого, занимающего высокое положение в обществе, говорящего по-немецки и проживающего в Богемии, так внешность и поведение незнакомца, названного графом фон Краммом, богемским дворянином, действующим по поручению августейшего лица, отнюдь не ввели Холмса в заблуждение: он с первых же слов распознал в нем само это лицо, короля Богемии, обратившись к нему «ваше величество» («your Majesty»). Внимательность и наблюдательность Холмса, о значении которых он говорит Уотсону перед тем, как приступить к

обсуждению с ним записки, пронизательность, обнаруженная им в качестве ее интерпретатора, – все эти его личностные качества сразу и резко проявляются в разговоре с посетителем, побуждая последнего сорвать с лица маску и не пытаться больше скрывать свой истинный статус: «You are right,» he cried; «I am the King. Why should I attempt to conceal it?»(23).

Второй вставной текст, адресованное Холмсу письмо Ирэн Адлер, бывшей возлюбленной короля Богемии, сюжетно связан, как и первый, записка самого короля, с компрометирующей его фотографией, розыском которой занялся Холмс. Оба вставных текста, во втором из которых Ирэн Адлер выступает в роли автора, со своим голосом и стилем речи, имеют непосредственное отношение к ее личности и нравственному облику, постепенно проступающим в повествовании сквозь слой разных и противоречивых суждений о ней и окончательно проясняющимся в конце рассказа – после того, как письмо будет прочитано Холмсом.

Уотсон в самом начале рассказа, предвзято изложив события, считает нужным охарактеризовать ее как женщину неясной и сомнительной репутации: «of dubious and questionable memory»(17). Но это скорее экстракт чужих мнений, ставших известными Уотсону, чем его собственное мнение; неслучайно он открывает повествование выражением самого Холмса об Ирэн «the woman», эта женщина, подтверждая далее, что из всех женщин для него существовала только она одна: «And yet there was but one woman to him...»(17). Король, объясняя свое обращение к Холмсу за помощью в розыске фотографии, называет Ирэн хорошо известной авантюристкой, «the well-known adventuress»(24), но эта нелестная характеристика женщины, о которой сам Холмс не имел возможности составить какое-либо представление, мотивирована положением, в каком оказался посетитель. Те, кто встречался с Ирэн и чьим мнением поинтересовался Холмс, проводя свое расследование, отзывались о ней иначе: «She is the daintiest thing under a bonnet on this planet»(28). То есть самое эlegantное существо из всех, кто носит дамскую шляпку на этой планете. Уотсон, наблюдая, как заботливо ухаживает Ирэн за Холмсом, притворившимся раненым и потому проникшим в ее дом, и испытывая угрызения совести, называет ее прекрасным созданием, в тайном заговоре против которого он участвовал: «the beautiful creature against whom I was conspiring»(34).

Выяснив, где находится тайник, в котором Ирэн прятала фотографию, он вместе с королем и Уотсоном является к ней домой, не предпола-

гая, что его ожидает неприятный сюрприз: Ирэн вместе с мужем уже покинула Лондон. А в тайнике сыщик обнаруживает специально оставленное для него и ожидавшееся его прихода письмо, датированное минувшей ночью, которое все трое принялись читать.

Из письма становилось ясно, что Ирэн поначалу не догадывалась, что Холмс так искусно разыграл ее, почему она и отнеслась к нему с полным доверием («You really did it very well. You took me in completely»). И до пожарной тревоги никаких подозрений у нее так и не возникло («Until after the alarm of fire, I had not a suspicion»). Но затем, когда она поняла, что выдала себя, ей пришлось задуматься (But then, when I found how I had betrayed myself, I began to think). Ирэн признается, что была предупреждена о возможном обращении короля к Холмсу, но тем не менее Холмс заставил ее открыть то, что ему надо было узнать («Yet, with all this, you made me reveal what you wanted to know»). Переодевшись в мужской костюм и проследовав за вызвавшим у нее подозрение человеком до дверей его дом, она убедилась, что он и есть тот самый знаменитый сыщик, после чего вместе с мужем решили, что лучшим выходом, раз их преследует такой грозный противник, будет бегство («We both thought the best resource was flight, when pursued by so formidable an antagonist...»).

Но главным в письме, что больше всего и волновало Холмса, была судьба разыскиваемой им фотографии. Ирэн сообщала, что она любит и любима человеком, который гораздо лучше, чем клиент Холмса («I love and am loved by a better man than he»). И что король волен делать все что захочет, не опасаясь препятствий со стороны той, с кем он обошелся так безжалостно («The King may do what he will without hindrance from one whom he has cruelly wronged»). Фотографию же она сохранит у себя только ради собственной безопасности: «I keep it only to safeguard myself...»(38).

Письмо дистанцирует Ирэн Адлер от событий, случившихся в прошлом, но по-прежнему беспо-

коивших короля, озабоченного собственной репутацией, которую способен был погубить возможный поступок прежней возлюбленной; дистанцирует оно ее и от событий, происходящих в настоящем, актора которых она сумела разгадать, почему и решила покинуть место действия. Остановив развитие сюжета, письмо несет функцию сюжетной развязки. Роль Холмса как будто не доиграна до конца, с чем он, однако, вынужден примириться, отдав должное личностным качествам Ирэн Адлер, с искусством, достойным восхищения, перехватившей у него инициативу. На высказанное королем, которого прочитанное письмо привело в восторг («What a woman — oh, what a woman!»), сожаление, что она не одного ранга с ним («Is it not a pity that she was not on my level?»), иначе, с ее умом и характером, она могла бы стать восхитительной королевой («Would she not have made an admirable queen?»), Холмс отвечает с холодной иронией, королем, впрочем, не услышанной. В той мере, в какой Холмсу удалось узнать и понять Ирэн Адлер, она, как ему кажется, действительно другого уровня, чем его величество: «From what I have seen of the lady she seems indeed to be on a very different level to your Majesty» (38).

Возвращая к началу рассказа, письмо объясняет, почему Холмс всегда называл потом Ирэн Адлер «*the woman*», *эта женщина*. Реакция же Холмса на полученное и прочитанное им письмо разрушает одностороннее и вряд ли справедливое мнение о нем самом, высказанное – тоже в начале рассказа – Уотсоном, как о самой совершенной мыслящей и наблюдающей машине, какую когда-либо видел мир: «He was, I take it, the most perfect reasoning and observing machine that the world has seen...»(17). На самом деле, как выясняется в процессе повествования и особенно акцентируется в финале, он был нечто гораздо большее, чем машина, наделенная действительно уникальным интеллектом.

TEXT IN THE TEXT IN THE STORY "A SCANDAL IN BOHEMIA" BY A.CONAN DOYLE

© 2015 V.Sh.Krivosos^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article discusses the functions of text in the text in the narrative structure of A.Conan Doyle's story.

Keywords: narrative structure, text in the text, note, letter.

^oVladislav Shaevich Krivosos, Doctor of philology, Professor. E-mail: vkrivosos@gmail.com